

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 166 (8954)

Четверг, 15 июля 1954 г.

ЦЕНА 20 КОП.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Корней ЧУКОВСКИЙ

Едва ли кто-нибудь из восхвалителей чеховской деликатности, скромности подметил и осознал до конца, что часто наряду с природными качествами сказывалось в нем то, что сам Чехов называл «дрессировкой».

«Дрессировкой», воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные требования и строго следить за тем, чтобы они были выполнены, — таков был с юности его труд над собой. Когда его жена написала ему, что у него уступчивый, мягкий характер, он ответил ей:

«Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч., и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежние время я выделялся чорт знает что?».

Тем-то и поучительна биография Чехова, что этот сильный, волевой человек, смолоду выделявшийся «чорт знает что», мог подавить свою вспыльчивость, выработать из души все мелочное и пошлое и выработать в себе такую деликатность и мягкость, какими не обладал ни один из писателей его поколения.

Два писателя, имевшие возможность наблюдать его ближе и дольше других, Щеглов и Потапенко, оба отметили в своих мемуарах, что к Чехову не с неба свалилось его благородство.

«В тот первый период жизнерадостной юности и неугомонных успехов», пишет Щеглов, «Чехов обнаруживал по временам досадные черты какой-то студенческой легкомысленной заносчивости и даже, пожалуй, грубости. Но уже в третий его приезд в Петербург этих резких диссонансов как не бывало».

Воспитывал он себя всю свою жизнь, но особенно круто в восьмидесятых годах. И знаменательно, что именно в этот период в его переписке начинают все чаще встречаться слова: «невоспитанность», «воспитание», «воспитанные люди», «воспитывать». Видно, что эта тема горячо занимает его. Он пишет еще в 1883 году:

«У наших господ актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности».

В устах Чехова эти слова имели в то время особый смысл. Воспитанным называл он того, кто, подобно ему, долгими усилиями воли сам выработал в себе благородство. В этом самовоспитании он видел отнюдь не самоцельную «споксхимистику», а долг каждого человека перед всеми другими людьми, так как общее благо, по его убеждению, в значительной мере зависит от личного благородства отдельных людей.

Выйдя из рабей среды и возненавидев ее такой исполняющей ненавистью, которая впоследствии наполнила все его книги, он еще подростком пришел к убеждению, что лишь тот может победоносно бороться с мешаниной загнивания человеческих душ, кто сам очистит себя от этого гноя. И так как два основных порока всякой мешанины души показались ему особенно мерки — наругательство над слабым и уничтожение перед сильным, — именно их он и решил истребить в себе насчет. Первый из них (в его бесчисленных формах: грубость, заносчивость, чванство, надменность, высокомерие, занейство, самохвальство, снисходительность) он словно выжиг в себе каленым железом, со вторым же справиться было гораздо труднее. Рожденный в приниженном, скопищном быту, где кланялись каждой коварке и пресмыкались перед каждым кошечком, Чехов мог выработать в себе такую великодушную гордость только героическими усилиями воли.

Переберите все его письма, — ни в одном не найдете ни единой строки, где бы он хоть на йоту унижался перед другими людьми или ради каких бы то ни было выгод сказал что-либо подобострастное слово. Уже в одном из самых ранних, полудетских своих писем он учит самоуважению своего младшего брата:

«Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою «ничтожеством и незамет-

ным братишкой». Ничтожество свое познаешь? Не всем, брат, Мимам надо быть одинаковыми... Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не маленький, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество».

Видно было, что Чехов в совершенстве усвоил науку быть уступчивым, не будучи кротким. При всей своей деликатности он никогда не боялся обидеть другого, если тот хоть в микроскопической степени задевал его чувство уважения к себе.

В 1888 году один бездарный, но довольно пылательный критик, много писавший о Чехове, пригласил его заочно к себе в гости, уверенный, что юный балетрист будет рад завязать с ним знакомство и тем обеспечить себе благожелательство его будущих критических отзывов в самой авторитетной московской газете. Но Чехов наотрез отказался приехать. Тот обиделся. Чехов тогда же написал одному из их общих знакомых, что эта обидка кажется ему вздорной претензией:

«Быть у него я не мог, — писал он, — потому что незнаком с ним. Во-вторых, я не бываю у тех людей, к которым я равнодушен, как не обидая на убийств тех писателей, которых я не читал».

Чувство, продиктовавшее это письмо, вряд ли кто-нибудь решится назвать кротостью. Это чувство боевое, воинственное. Оно всегда возникало у Чехова, когда ему приходилось становиться на страже своей писательской чести.

Здесь он не разрешал себе никаких компромиссов. И от всей души презирал тех писателей, которые не умели воспитывать в себе такую же гордость. Даже своей жене, только что повенчавшись с нею, он пишет в любовном письме:

«Нельзя, нельзя так, дуся. Несправедли-ности надо бороться. Надо быть честной в смысле справедливости, совершенно чистой».

Эти «нельзя» и «надо» он ставил перед всеми близкими в качестве непреклонных заповедей, потому что такие же заповеди ставил всегда перед собой. Это началось еще тогда, когда он был Антошей Чехонте. Трудно представить себе, что в то самое время, когда он именовав себя в письмах деликатнейшим из всех балетристов, стремившихся «счинить какое-нибудь труд-ла-ла», когда он устранивал у себя на полу «вахханалию» и вся его квартира, по выражению Щеглова, «так и сотрясалась от хохота», он вел тяжелую непослушную работу над пересовещиванием себя.

«В нашей семье», вспоминает его брат Михаил, «появились вдруг неизвестные мне дотоле резкие отрывочные замечания: «Это неправда», «нужно быть справедливым», «не надо лгать» и т. д.».

Так как с двадцатилетнего возраста он сделался кормильцем и главой всей своей обширной семьи, воспитанников у него оказалось немало: четыре брата, да сестра, да отец.

Характерно, что «нотации» почти всегда чередовались у него с безоглядными шутками, так что ничего постыдного, унылого не было в этом упорном наставничестве. Его письма к брату Александру, — если в них не говорится о делах, — в огромном своем большинстве слагаются из двух элементов: из самых веселых острот и самых суровых моральных сентенций. Сюжетов для этих сентенций у Чехова было множество.

«В первое же мое посещение», — писал он Александру в 1889 году, — меня оторвало от тебя твое умасное, ни с чем не сооробное обращение с Наталей Александровной и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека!».

«Я прошу тебя вспомнить», — продолжает он в том же письме, — что деспотизм и ложь (отца) сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужасы и отвращения, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой... Деспотизм преступен трижды».

Возможно, что эта неустанная проповедь все же хоть в малой мере обуздывала беспутного «Самечку», но Николай совершенно отбоялся от рук.

«Николай... шалобернчат; гибнет хороший, сильный русский талант, гибнет ни за грош».

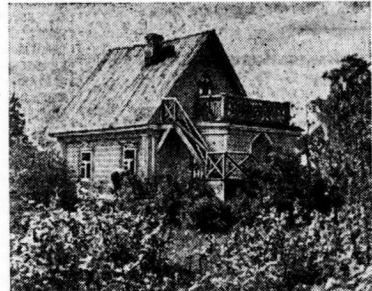
Чехов пытается спасти и его и пишет ему письмо за

письмом, и среди этих писем есть одно, наиболее подробное, где Антон Павлович дает в развернутой форме весь кодекс своей антимещанской морали. Хотя это письмо приводилось не раз, мы не можем не воспроизвести его здесь в наиболее существенных выдержках, так как здесь четко вскрывается та дисциплина, которую применял Чехов к себе самому.

Как и всякий педагог по призванию, жаждущий облагородить себя и других, Чехов оптимистически верил в чудотворную власть педагогики. Его брат Михаил вспоминает, что в споре с В. А. Вагнером, известным зоологом, послужившим прототипом фон-Борена, Чехов горячо утверждал, что воспитание сильнее наследственности, что воспитанием мы можем победить даже самые трудные качества человеческой психики.

Потому-то в 1886 году он и обратился к гибнущему Николаю с этим суровым письмом, которое и теперь может служить как бы курсом практической морали для многих шатких и вальких людей:

«Недостаток же у тебя только один, — говорится в письме. — Это — твоя крайняя невоспитанность... Воспитанные люди, по

Флигель в усадьбе Мелихово, где жил и работал Чехов.

моему мнению, должны удовлетворить следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы: они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одождения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холол, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2) Они сострадаютельны не к одним только нищим и кошками. Они болеют душой и от того, чего не увидели простым глазом...

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не ржусются, держат себя на улице так же, как дома, не пускуют пальцы в глаза меньшей братии... Они не болтаются и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5) Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им выдыхали и нылились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или: «Я разменялся на мелкую монету!»... потому что все это балет на дешевой эффект, пошло, старо, фальшиво...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство с знаменитостями: истинные таланты всегда сияют в потемках, в толпе, полагаясь на выставку... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом.

8) Они воспитывают в себе эстетiku. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по олеванному полу, питаться из керосинки...

И т. д. ...Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться я не стоить ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пискевика и выубить монолог Фауста.

Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штурмовка, воля... Тут дорог каждый час... Или с нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал... самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора!

Жду... Все мы ждем...

В этом письме освещен, как проектором, тот изумительный педагогический метод, при помощи которого Чехов воспитывал себя самого. Если чудом представляется нам этот юношеский кодекс морали, в тысячу раз чудеснее то, что Чехову удалось подчинить этому кодексу всю свою жизнь, что каждое правило, которое изложено им в этом письме, не осталось на бумаге, как часто бывает со всеми подобными правилами, но было выполнено им до конца. Препятствия к себе труднейшие правила может, конечно, каждый, но неукоснительно выполнять их в течение всей своей жизни, мог в ту эпоху лишь один из миллионов, тот, у кого самый твердый характер, могучая воля.

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Уголок личного кабинета писателя.